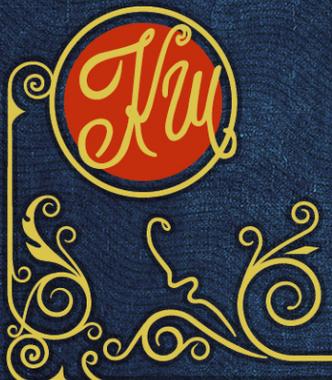

Евгений
ВЕЛТИСТОВ

Приключения
ЭЛЕКТРОНИКА

Рекомендовано
лучшими
учителями

Классика
для
школьников

Приключения Электроника и его друзей

Евгений Велтистов

**Электроник –
мальчик из чемодана**

«Издательство АСТ»

1964

Велтистов Е. С.

Электроник – мальчик из чемодана / Е. С. Велтистов —
«Издательство АСТ», 1964 — (Приключения Электроника и его
друзей)

ISBN 978-5-17-068090-0

«Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущенно улыбнулся. Это был профессор Громов. Почетный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках». Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закругленный угол большого чемодана. – Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, – сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. – Это очень тяжелый чемодан...»

ISBN 978-5-17-068090-0

© Велтистов Е. С., 1964

© Издательство АСТ, 1964

Содержание

«Здравствуй! Меня зовут Электроник...»	6
Электроник – мальчик из чемодана	10
Чемодан с четырьмя ручками	10
Белый халат или формулы?	12
Кто он, чемпион?	18
Фокусник всех времен	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Велтистов

Электроник – мальчик из чемодана

© Е. С. Велтистов, наследники. 2010

© В. А. Приходько. Предисловие, 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Здравствуй! Меня зовут Электроник...»

Эту книгу можно было бы издать без предисловия.

Зачем же предисловие? Да еще написанное человеком, который в детстве сам без предисловий приступал к приключениям любимых героев.

Дело в том, что про Электроника знает нынче великое множество детей. Не ленивых и любопытных. А вдруг самые любопытные захотят узнать про автора любимых книг?

Для них-то и написано предисловие.

Итак, автор. Евгений Велтистов.

Шла война. Великая война. Во второй год великой войны он пришел в 265-ю московскую школу учиться. Книг было мало. Тетрадей еще меньше. Читать хотелось очень сильно. Когда спросили, кем ты станешь, ответил: «Продавцом детских книжек. Чтобы прочитать все».

Потом он передумал. Решил стать журналистом. Это было твердое решение. Окончил факультет журналистики. Стал работать – сперва в газетах, потом – редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печаталась на последних страницах. Был очень худой. И поэтому казался еще длинней. В многоэтажном доме редакция занимала три этажа. И когда в праздничные дни вывешивали веселую стенгазету, Велтистова изображали примерно так: голова на третьем этаже, туловище – на втором, а бегущие ноги – на первом.

Он был настоящим репортером: неутомимо выхаживал новости. Находил интересных людей. Он нашел, например, в одном арбатском переулке сочинительницу знаменитой песенки «В лесу родилась елочка», старушку Раису Кудашеву. И сумел ей помочь, так как требовалась помощь. Он также помог детскому саду поселиться на роскошной даче, до этого принадлежавшей жулику. А известному писателю-фантасту Станиславу Лему – увидеть атомный реактор в Дубне.

Встречался со знаменитым радиоэлектроником и кибернетиком Акселем Ивановичем Бергом, чтобы потом «списать» с него своего профессора Громова, чудаковатого и при внешней суровости доброго человека. Познакомился с главным конструктором космических ракет Сергеем Павловичем Королевым, которого сегодня мы считаем национальным героем. Бывал в гостях у виднейших ученых: физика Петра Леонидовича Капицы и кибернетика Виктора Михайловича Глушкова. Взял интервью (в ту пору диковина!) у шефа уголовной полиции города Нью-Йорка. (Отзвуки заокеанской командировки находим в романе «Ноктюрн пустоты», также полуerealном-полуфантастическом.)

Велтистов был человек немногословный. Настырный. Копил впечатления. Обдумывал будущие книги. Рукопись первой повести «Приключения на дне моря» принес в издательство «Детская литература». Вскоре она увидела свет (1960). За ней вышли другие произведения. Их было немало: «Тяпа, Борька и ракета» (1962), «Электроник – мальчик из чемодана» (1964), «Глоток солнца» (1967), «Железный Рыцарь на Луне» (1969), «Гум-Гам» (1970), «Рэсси – неуловимый друг» (1971), «Излучать свет» (1973), «Победитель невозможного» (1975), «Богатыри» (1976), «Миллион и один день каникул» (1979), «Ноктюрн пустоты» (1982), «Прасковья» (1983), «Классные и внеклассные приключения необыкновенных первокласников» (1985), «Планета детей» (1985), «Избранное» в двух томах (1986), «Новые приключения Электроника» (1988).

Книги «Тяпа, Борька и ракета» и «Излучать свет» были написаны Велтистовым в соавторстве с женой и другом Мартой Петровной Барановой.

...Я помню, в какой атмосфере родился «Электроник – мальчик из чемодана» (первая и, на мой вкус, лучшая часть тетralогии). В конце 50-х – начале 60-х годов школьники начали

учиться по насыщенным программам. Триумфальный полет Юрия Гагарина проложил путь в космос – казалось, мы всегда будем первыми. Слово «кибернетика», восходящее к старинному греческому «управляю кораблем», порхало над кухонными столами московских коммуналок. На страницах газет спорили о судьбе поэзии в технический век. Поэт Борис Слуцкий написал, что физики в почете, а лирики, наоборот, в загоне и что это мировая закономерность. Рьяные сторонники точных наук, так называемые технари, сводили роль искусства в будущем к жалкому минимуму. Интерес к научной фантастике распространился необычайно широко. Лем стал любимцем технарей. Золотые весла литературных фантазий уводили читателя в такие дебри мироздания, какие действительно не снились предыдущим поколениям. Еще не было горького, поныне не растворившегося осадка от Чернобыльской катастрофы. Еще не знали, что плетемся в хвосте компьютерной революции. И что не мы, а американцы вскоре высадятся на Луне. Пели с энтузиазмом: «На пыльных тропинках далеких планет...» Электронная эра переживала свой романтический период. Свою радужную юность.

Тут-то и был написан «Электроник – мальчик из чемодана».

Кстати, почему «из чемодана»?

Этот образ возник так. Однажды автор собрался в отпуск к теплому морю. Несет чемодан по перрону к поезду и удивляется: тяжелый. Словно там не рубашки и ласти, а камни. Чтобы веселей было нести, стал фантазировать: «Может, в чемодане кто-то есть? Может, там... электронный мальчик? Вот поставлю чемодан на полку, откину крышку. Мальчик откроет глаза, встанет и скажет: «Здравствуй! Меня зовут Электроник...» Вошел в купе, щелкнул замками и ахнул. Оказывается, в спешке перепутал чемоданы: взял другой, набитый книгами. Пришлось у моря обойтись без ластов. Зато начитался вволю.

А про воображаемого мальчика не забыл.

Сказка подчиняется общим законам искусства. Один из них формулируется примерно так: на яблоне могут расти серебряные яблоки, но никаких яблок не вырастишь на вербе. Вроде бы неопровергимо. Однако искусство для того и существует, чтобы опровергать собственные законы. Бывает, что изображенное писателем вполне достоверно, похоже на реальную жизнь, а выглядит жалко, бескрыло и едва подсвечено убогой мыслью, какой-нибудь банальностью. Читать не хочется. Чувствуя фальшь, читатель говорит, как режиссер бездарному актеру: «Не верю!» Это приговор.

В книге Велтистова странные, невероятные ситуации, в том числе пресловутые «яблоки на вербе», сменяют друг друга. И написаны повести про Электроника выразительно, ярко. Сюжет-шутку движет необычайное сходство мальчика-робота и ученика 7 класса «Б» Сережки Сыроежкина. С самого начала приняв озорную условность, праздничную фантастичность сюжета, вживаешься в него и уже всему веришь: и лукавому профессору Громову, который предпочитает обычное такси вертолетам, и неслыханной Стране двух измерений, где все плоское: люди, дома, мячи, деревья... И другим чудесам. Все это словно выдумано не писателем, а читателями – теми, кому адресовано. Теми, кто не может учиться, не озорничая.

Велтистов-фантаст обладал настоящим умением говорить о сложном просто. Способен был увидеть привычное (даже наскутившее) с новой стороны. Его перо одевало в плоть бесплотное. Превращало абстрактное в конкретное. Он, безусловно, «физик», а не «лирик». Симпатии его на стороне точных наук. Но пренебрежения к «лирике» не разделял. Герои «Электронника» не страдают бездуховностью. Математик Таратар, рассказывая ученикам о процессе творческого открытия, привел в качестве примера... стихи Пушкина. Поправил очки и прошел тихо, почти шепотом: «Я помню чудное мгновенье...» И в класс словно ворвался легкий ветерок, затуманил глаза.

Интересно, а этот математик выдуманный?

Оказывается, не совсем.

Работая над «Электроником», Велтистов не раз заглядывал в школу с математическим уклоном. Познакомился с заслуженным учителем. Звали его Исаак Яковлевич Танатар. На уроках он не обходился без шутки, ходил с ребятами в походы, выпускал с ними стенгазету «Программист-оптимист» с ребусами на «танатарском» языке формул. Дети, конечно же, называли его «Таратар». Так звучит фамилия и в повести.

Велтистов рассказывал мне, что во время обсуждения рукописи «Электроника» в издаельстве он попросил дать ее на отзыв Танатару. И получил от него сдержанное одобрение: будущая книга «должна представлять интерес для читателя». Был этим сдержанным одобрением весьма доволен.

Что технический прогресс – двуликий Янус, стало известно задолго до того, как Велтистов сел писать свои повести. С одной стороны – сверхудобства, с другой – сверхбомба. Тема взбунтовавшейся машины волновала фантастов разных стран и народов. Есть книги, начиная с Уэллса, фильмы, картины, где она решена трагически: машина уничтожает своего создателя.

Велтистов был оптимистом. Он заставлял верить в победу разума, человечности. Потому что жить тяжелей, если не веришь. Даже робот Рэсси – электронный пес, «дитя» уже Электроника, способен у него спасти живых животных от безжалостных опытов владельца фантастического зоопарка господина фон Круга, которого раздражают шум, непоседливость детей.

На выборе этого зловещего персонажа – отпечаток времени. Не забудем, что в детстве Велтистова бушевала чудовищная война с немецким фашизмом. Гитлеризм олицетворял все мировое зло. В повести «Глоток Солнца», написанной после «Электроника», действие происходит в 2066 году. Аппарат-визуализатор создает оптические иллюзии, вытесняя «одряхлевшее кино» и «надоевшее телевидение». По воле изобретателя Иосифа Менге появляется видение прошлого: «человек в черном» стреляет из автомата в беззащитного старика. Чувство социального страха неизвестно новому поколению, однако осталось в глубине наследственной памяти. Бедствие, паника. Да было ли такое в действительности? Менге отвечает: «Было... Не со мной. С дедом. Его убили фашисты в тысяча девятьсот сорок первом году. Он жил в Варшаве... Я не могу забыть...» Поэтому и появился в повести фон Круг...

За Электроником, за Рэсси, наконец за Электроничкой с несмеющимися глазами, также придуманной профессором Громовым, стоят люди, которые ценят свободу, любят поэзию, не потеряли живую душу. «Фантастика, – говорил Велтистов, – это выдумка, взгляд в будущее – какой простор для писательского воображения!»

Никакое воображение не застраховано от ошибок. Я знал писательницу, сочинившую фантастический роман про строительство гигантской и безумно дорогой плотины с целью поднять уровень Каспия. Это было в год, когда море действительно мелело. А когда повесть, пролежав пару лет в издаельстве, вышла, она уже устарела: циклический Каспий поднялся и заливал низкие берега. Бывает... Мы прощаем фантастам их торопливость...

У поэта Леонида Мартынова сказано так:

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно, —
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Между прочим, Велтистов любил чуткого к техническим новшествам Мартынова. Электроничка, запрокинув голову вверх, слушает его странные стихи:

Вот ведь
Какова ты,
Нечто среднее

Между атомом и звездой.

По ее электронному телу пробегает слабый ток: «Она оглянулась и увидела первый солнечный луч, пробивший толщу леса… Захотелось пройти босиком по траве или взлететь, как Рэсси, на границу ночи и утра. «Что я натворила? – подумала в великом смущении Элечка, не понимая, что с ней происходит. – И зачем мы только клялись ни в кого не влюбляться? Я не знала, что это значит…» А вслух она произнесла: «Кто же я такая?» Она, как у поэта, «нечто среднее между атомом и звездой».

Электроника сразу полюбили дети 60—70-х, а потом и 80-х годов. Возникли клубы «Электроник», объединившие энтузиастов. Ребята стали рисовать и конструировать собственных роботов.

А когда телевидение показало фильм, поставленный режиссером Константином Леонидовичем Бромбергом, в библиотеках выстроились длинные очереди за «Электроником». Книги выдавали на два дня. Успех превзошел ожидания.

В заключительной, написанной после этих событий, части на школьном дворе все играют в робота и человека. Телеэпидемия. Женщина-почтальон приносит Электронику письма. Она говорит: «В почтовый ящик не лезет». На столе растет груда телеграмм, некоторые без адреса. Просто: Электронику. Или – Сыроежкину.

Это не фантастика. Не честолюбивые миражи. В редакцию «Пионерской правды», на телевидение, в адрес Велтистова пришло около 80 000 писем от читателей и зрителей.

Одна девочка написала, что после знакомства с Электроником она поняла: «Нужно быть честной, работать своим умом». Другая рассказала про младшего брата: он, под влиянием Электроника, «прошел всю математику за пятый класс. Вот сейчас сидит занимается и передает вам привет». Третья наотрез отказалась, пока не досмотрит «Электроника», уехать в лагерь. Дети писали, что проводят конкурс на «лучшего Электроника по учебе», ставят по «Электронику» спектакли. А школьники из далекого дагестанского города даже предложили «устроить олимпийские игры в честь Электроника и Сыроежкина»!

…Велтистов был совершенно чужд нравов литературной богемы. Дисциплинированный, деловой. Западный тип писателя, что живет не на гонорар. Ежедневно к девяти утра отправлялся на службу. В пиджачной паре, при галстуке. А когда же писал? По ночам? В отпуске?

Последняя часть «Электроника» вышла, когда писатель был уже смертельно болен. Экземпляры новой книги принесли в больницу, и он подарил ее врачам, сестрам, нянечкам.

Евгений Серафимович Велтистов (1934–1989) оставил нам много хороших книг. За сценарий трехсерийного фильма «Приключения Электроника» он получил в 1982 году Государственную премию. Этот кинофильм и сегодня показывают по телевидению в каникулы. Летом, осенью, зимой…

Доктор физико-математических наук, профессор Сергей Петрович Капица назвал Электроника «Буратино наших дней», а его историю – сказкой, спроектированной в электронный век.

Владимир Приходько

Электроник – мальчик из чемодана

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскоцил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущенно улыбнулся. Это был профессор Громов. Почетный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закругленный угол большого чемодана.

– Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, – сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. – Это очень тяжелый чемодан.

– Пустяки, – отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, черного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

– Ну и ну… – покачал головой директор. – Как же выправлялись, профессор?

– Приглашал четырех носильщиков. А сам руководил, – сказал Громов.

– Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

– Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

– Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

– Все чудесно, настроение отличное, – успокоил его профессор.

– Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. – И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листьев влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолет – воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолетам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зеленых деревьев, застывших, как в почетном карауле. Куда ни посмотришь – везде что-то новое: березовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень… Сады висели и над головой, на крыших зданий, защищенные от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

– Дубки подросли, – сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

– Вот мы и приехали, Электроник, – мягко произнес профессор. – Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

– Я чувствую себя хорошо, – сказал он хриплым голосом. – Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

– Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил ее в розетку.

– Ой! – дернулся Электроник.

– Ничего, ничего, потерпи, – успокаивающее сказал профессор. – Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошел к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

– Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, – попыхивая трубкой, весело сказал Громов. – Самочувствие? Превосходное!

– Я не хочу, – раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. – Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

– Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждет сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

– Электроник! – крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

– Двести двадцать вольт! – В его голосе прозвучала тревога. – Что я наделал! – Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивленное лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шоферу:

– Вперед! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живет в большом городе обыкновенный мальчишка – Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мыщцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрепаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Сережка полгода назад переехал в большой желто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города – Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохова переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Сережке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всем городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зеленого, как парк. Целый день скаки, играй, прячься – и не надоест. А если и надоест – иди в мастерские, строгай, пиши, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придет минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планеры, облака-ракеты, которые несет с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина – пассажирский реактивный самолет, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа – вот она стоит посреди двора – тоже по душе Сережке. В классах белые парты и желтые, зеленые, голубые доски. Выйдешь в коридор – перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывет среди зеленых волн, будто пароход. А еще самое главное, самое интересное – счетные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина веселым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и еще не видел этих машин, он сказал отцу:

– Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

– Робота? – удивился Павел Антонович. – Это для чего же?

– Как – для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

– Ну и дружба! – сказал отец. – Мыть посуду…

– Но это же робот, механический слуга, – ответил Сережка.

И он еще долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

– Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдешь в школу и все узнаешь.

– И еще будет чистить ботинки, – пробормотал Сережка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирается делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»
Сидели на трубе.
«А» упало, «Б» пропало,

Что осталось на трубе?

– Вот тебе и на! – засмеялся отец. – Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

– Хорошо, – сказал Сережка, – если в детском саду, тогда реши ее.

– Да ну тебя, Сережка, отстань! Мне еще до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошел было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

– Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

– Наверно, «И»? – Отец пожал плечами.

– Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, – важно сказал Сережка. – Предположим, «А» – это трубочист, «Б» – печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. – Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. – Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несет важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

– Мудрено, – сказал Павел Антонович, – но мы, кажется, друг друга поняли.

– А по-моему, все очень просто, – продолжал сын. – Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаешь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведет корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берем какую-то информацию и работаем.

Из этой «ученой» речи отец сделал неожиданный вывод:

– Значит, если ты приносишь тройку и говоришь «я все знал», надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень мудрое правило!

– Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, – убежденно сказал Сергей. – Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Сережку за плечи, закружил по комнате:

– Ах ты, предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкусный компот.

– Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я еще не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Сережка не знал, кем же ему стать – инженером или математиком? На кого учиться – на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих машин?

Будь Сережка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирая блоки машин – маленькие электронные организмы. Захочет – и научится делать какую угодно машину. Автомат для варки стали, или диспетчера самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведет репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы свое оружие – теоремы и формулы – и были очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас, не сегодня, а осенью. Но Сережку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нем вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал Сергей отцу, как он расправился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолетов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поет-гудит песню счетная машина, горят угольки ее глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

– Ну, не вышла задача… Что тут такого? Дурацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд…

– А теперь ты ее решил?

– Решил, – скучно говорит Сережка. – Вообще не могу я долго возиться с уравнениями… Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачником. Сережка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и все оглядывался: бежит ли? Собака то трясла следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Сережку. У нее был белый треугольник на груди, одно ухо торчком, а второе будто сломано посередине.

У подъезда Сережка приготовился взять ее на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Сережка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает все в портфель. Он нашел самое простое решение: «Спишу у Профессора».

Профессор, или Вовка Корольков, – сосед Сыроежкина по парте. Его тетради – хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений, одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про все на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задается, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни – это математика. Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всем на свете. Правда, когда Сережка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим на первой парте и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своем будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои мышцы и говорил: «Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Пусть он и ломает ее. А я чихал на эти премудрости».

Если Профессор был симпатичен Сережке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Сережки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

– Привет, Сыроежкин! – басом кричал еще издали Макар. – Сыр ешь или не ешь?

Если Сережка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

– Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

– Внимание! Идет Сыр Сырыч Сыров, он же Сережка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всем мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Сережка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

– Послушай, как тебя – Сырглазкин?

Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сыроношкин? Сыромышкин? Сыросоконожкин?

Иногда Сережка так злился на приставалу, что был готов его ударить. Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Сережка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара – ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово «Гусь», а Макар подозрительно оглядывался. На переменке он гонялся за Сережкой, но поймать более верткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого «А». При всем желании нельзя было отыскать в школе такого человека, который бы не знал выдающихся математиков. О них ходили легенды. Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

– Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились – и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого «А» закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

– Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает свое, а этот – свое. Так до самого звонка и говорили.

– Хорошо ему, он все знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

– Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьет голы биологам!

– Ну и что? Там учатся одни девчонки.

А ребят – раз-два и обчелся. И все хилые. Не мудрено их обыграть… Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

– Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

– Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, футбол не гоняет. Смотри, зачахнешь с этими очками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний.

– Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьезному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи,

кто знает – лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чем сходились два лагеря, что математика – основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником веселого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Сережка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове. Случайный виновник этого удара – Виктор Попов – был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

– Эй, малыш, осторожнее!

Тут Сережка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

– Какой большой нашелся!.. – прошел он сквозь зубы. – Как дам сейчас по очкам, чтобы смотрел, куда идешь!

Попов остановился, с удивлением оглядев незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

– Эй ты, забияка, скажи мне лучше, что такое «Аль-джебр и аль-мукабала»?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

– Пора бы знать, что это – математическое сочинение девятого века, которое дало название алгебре. – Попов глядел на забияку с явной иронией. – И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Коллегой.

На этом, собственно, столкновение кончилось.

Витьяка Попов давным-давно все забыл.

А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года – никому не известный девятиклассник – приходит в университет на математическую олимпиаду. Берет лист бумаги, читает условия задач. Десять минут – и он подает комиссии исписанный листок. В зале скрипят вовсю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится: «Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играющи нашел свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешенных задач...»

А на другой день повесят плакат:

«Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почет и слава!..»

Витьяка Попов узнает об этом и протягивает руку примирения: «Извини, коллега. Такие задачи не мог решить даже я...»

А что? Разве не может так быть? Сережка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

«Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? – философствует в такие минуты Сыроежкин. – Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-нибудь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, все выходит быстро и хорошо – и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу – и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофером, или геологом, или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории – раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?»

И Сережка спрашивает отца:

– Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает все: как отец окончил школу, потом работал шофером на сибирской стройке – водил здоровенные самосвалы, потом поступил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович – наверно, в сотый раз – с удовольствием вспоминает молодость, Сережка думает о своем:

«Почему-то раньше все было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдешь, направо пойдешь или прямо пойдешь? Даже тоска берет...»

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на тебе – только он хотел подобрать ее, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

– О чём ты думаешь? – спрашивает отец, прервав свой рассказ.

– Пап, а собака – умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

– По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

– А как понять человеку, что она чувствует?

– Наверно, надо научить ее говорить, – шутит отец.

– Пап, ты больше не рассказывай. Я все уже вспомнил, что было дальше... Пап, я твердо решил: я буду ветеринаром.

– Ну, как знаешь! – Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

– А ветеринар – неплохая специальность! – кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

– Сейчас мы прочтем о ветеринарах, – говорит он.

«Неплохая! – про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. – Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развиваются. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же все-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?»

Кто он, чемпион?

В воскресенье Сыроежкин встал рано. Не потому, что у него были неотложные дела. Просто утро выдалось настолько яркое, свежее после ночного дождика, что было бы глупо валяться в постели. В такое утро всегда чувствуешь, что случится что-то радостное или необыкновенное: ведь день будет длинным-предлинным и очень далек тот час, когда позовут спать.

В соседней комнате было тихо, и Сережка хотел незаметно ускользнуть из дома. Как можно осторожнее взялся он за тугой замок, но тот все же предательски щелкнул.

– Сережа! – Это мама зовет из соседней комнаты. Услышала.

– Чего?

– Сходи, пожалуйста, за хлебом. И не опаздывай на зарядку.

Зарядка бывает в восемь. Звучит горн. На футбольном поле стоит человек в красной майке. Это мастер спорта Акульшин, он живет на третьем этаже. Стоит и ждет, когда сбегутся ребята из всех подъездов. Потом пробежка, прыжки и игра в мяч. Как видите, зарядка совсем не скучная, и Сережка не собирается увиливать. А вот хлеб – это уже обязанность. Зачем ходить за ним, когда можно заказать на дом? Мама говорит так: из воспитательных целей, чтобы он, Сережка, не разленился.

– Две булки?

– Ну конечно. Ты же знаешь, – слышится из-за двери.

– Сейчас выясним, одну минуточку! – громко говорит Сергей и усмехается, представив недоуменные лица родителей.

Он берет телефонную трубку, набирает три нуля подряд:

– Алло, справочное? Где я могу купить две свежие городские булки?

– Где вы живете? – бесстрастно спрашивает автомат.

– Липовая аллея, дом пять.

После нескольких секунд молчания автомат тем же тоном произносит:

– В вашем доме есть булочная.

– Спасибо, что напомнили, – еле сдерживая смех, отвечает Сыроежкин.

– Что он сказал? – кричит отец.

– Что булки еще горячие! И чтоб вы не опаздывали на гимнастику.

– А мы ни разу не опоздали! – хором отзываются родители и смеются над шуткой Сережки.

Верно, на эту гимнастику все взрослые идут охотно, даже пенсионеры. Поднимаются в лифтах на десятый этаж и выходят на крышу. Там – как во дворе: цветы, кусты, а посередине площадки и спортивные снаряды. Пенсионеры, конечно, на кольцах не подтягиваются, только приседают да машут руками. Зато Сережкин отец здорово крутит «солнце» на турнике и забрасывает в кольцо баскетбольный мяч.

В такую рань во дворе не было ни души. Поболтать было не с кем, поэтому Сыроежкин решил идти в самую дальнюю булочную: может, кого-нибудь встретит или увидит что-нибудь интересное…

Сережка медленно вышагивал под тенистыми липами. Со стороны можно было подумать, что он погружен в свои мысли. Но это не так. Он играл: шел по знакомой улице, а видел ее совсем новой. Вот посажены деревья, вчера их еще не было. Тоненькие, совсем палочки, и без листьев. Но ничего, скоро они наберут силу, зашумят на ветру… А вот бульдозеры наворотили кучу земли – ровняют площадку. Пока вал не убрали, здесь удобно прятаться… Где-то слышен гул мотора. Надо закрыть глаза и угадать: обычная машина или воздушная? Надо быстрее угадать, пока шум неразборчивый. А потом проверить себя и помахать вертолету с шашечками на боку.

Внизу, за рекой, видна чаша стадиона. Сережка смотрит на нее, но видит не стадион, а каменные стены римского Колизея. Сейчас он не семиклассник школы кибернетиков, он – отважный гладиатор; на нем не штаны и куртка, а железные доспехи. Рычат в подземелье дикие звери. Он должен схватиться с тиграми и львами и поразить их своим мечом, чтобы остаться живым. И он чувствует тоску, как тот гладиатор, который каждый день выходил на арену рисковать жизнью...

Нет, пусть лучше будет стадион не Колизеем, а синхрофазотроном! Да, да, такой он есть, синхрофазотрон, самая большая в мире машина – круглая, как цирк, громада. Внутри нее носятся частицы, из которых состоит атомное ядро. Конечно, эти частицы ни за что не увидишь простым глазом. Будь атом размером с футбольное поле, его ядро станет просто мячом. Только вчера Сергей слышал об этом на уроке физики. Но сейчас он не просто Сергей, он – физик. Вот он берет фотопластинки, пролетевшие частицами, и под микроскопом видит следы, похожие на яркие, пушистые звезды. И начинает размышлять: «Чьи же это следы?.. Какая частица пролетела? Гм, гм, загадочно...»

Вдруг ударяет ему в глаза солнечный луч, и он забывает, что минуту назад был физиком. Темнеют вдалеке стены Кремля, и их охраняет на высоком берегу стрелец Сыроежкин. Идет высокий старик с палкой. Да это сам Иван Грозный! Какой приказ отдаст он своему воину?

Грозный остановился и спокойно спросил:

– Скажи-ка, дружище, как пройти к магазину «Миллион мелочей»?

– Н-не знаю, – растерянно пролепетал Сережка. – То есть что я!.. Знаю! Прямо, прямо и налево.

– Спасибо, – сказал, ничуть не удивившись, старик. И пошел. Медленно. Спокойно. Но уже совсем не как Иван Грозный.

Две булки были куплены в конце Липовой аллеи. На обратном пути, чтобы скоротить время, Сергей играл в вывески. Казалось бы, что тут такого: прочти вывеску наоборот – вот и вся премудрость. Но при этом получаются такие странные слова, словно ты очутился в другом мире.

АКЕТПА. МОНОРТСАГ. АКТСИЧМИХ.

Тыфу ты, язык можно сломать!

Сережка стал вспоминать фильм, который он видел совсем недавно. Очень интересный фильм. «Встреча миров». Про антимир. Начинается с того, как ракета с Земли подлетает к таинственной планете и пускает на разведку летающего робота. Тот начинает спускаться и неожиданно взрывается, словно атомная бомба. Оказывается, этот антимир устроен совсем наоборот, чем Земля, Солнце и вообще Галактика: и планета, и ее жители, и все-все остальное состоит там из античастиц – частиц с противоположными зарядами. Потому странный мир и называют «анти», то есть «против». Это открыли космонавты, которые прилетели с Земли. «У нас электрон отрицательный, – говорит командир ракеты, – а у них положительный. Стоит только нашим и их частицам столкнуться, как происходит взрыв...» В самом деле, занятный этот антимир: брось туда простой камень – взрыв, брось палку – взрыв, урони что-нибудь случайно с ракеты – снова взрыв. Но пока космонавты, которые в кино, догадались, куда они прилетели, разгорелась настоящая война. Все в зале сидели не шевелясь. Нервы у всех напряжены – так здорово закручено в картине.

И вот что еще интересно, почему он и вспомнил про этот фильм. В антимире все наоборот, даже право и лево: там, где у нас лево, у них право. Жаль, что города антимиран показывали только с высоты. Не разберешь, есть ли у них вывески. А так здания вполне совре-

менные, похожие на пластмассовые шары. И если у них все-таки есть вывески, то они читаются справа налево...

Сергей остановился, пораженный своим открытием. Он взглянул на вывески и торжественно произнес, будто читал заклинание:

РОФРАФ. МОНОРТСАГ.

Все вокруг него мгновенно изменилось. Он стоял на антиземле, читал антивывески и смотрел в холодное стекло антивитрины. А из стекла на Сережку глядел античеловек. Волосы зачесаны справа налево, карман с пуговицей – слева, а часы – на правой руке.

– Привет! – сказал Сыроежкин. – Я знаю, кто ты такой. Ты не просто мое отражение, а ты – Ажерес. Сейчас я опаздываю на зарядку, но в другой раз мы с тобой обязательно потолкуем. Будь здоров, Ажерес!

Сергей, махнув рукой на прощание и получив ответный жест, побежал домой.

– Конечно, это я перехватил, что обещал с ним потолковать, – бормотал он, вернувшись из антимира на Липовую аллею. – И все-таки здорово, что я встретил античеловека. Почти античеловека, – добавил он, подумав. – Во всяком случае, даю голову на отсечение, что сердце у него с правой стороны...

Во дворе на футбольном поле резвились малыши. Все ясно: зарядку он пропустил. Совсем неплохо было бы побегать с мячом, но что поделаешь, его задержал не кто-нибудь, а античеловек! И Сережка, как только свернулся за угол, понял, что это открытие принесет ему славу. У крайнего подъезда он заметил ребят. Раз собрались, значит, что-то обсуждают или меняются ценностями.

Так и есть: слушают Витьку Смирнова. Тот стоит с гордым видом – нос кверху, волосы растрепанные.

– Ребята! – сказал Сережка. – Я только что видел античеловека!

В одно мгновение Смирнов оказался в полном одиночестве, ребята окружили Сыроежкина. Ему пришлось несколько раз повторять, как он читал вывески наоборот, как вспомнил про антимир из фильма и заметил в витрине Ажереса. Оказалось, все видели «Встречу миров», и все заметили, что в антимире наоборот лево и право, но никто даже не догадывался, что совсем рядом, буквально в двух шагах, можно отыскать нечто похожее на античеловека.

Открытие требовало немедленной проверки, и потому компания помчалась на улицу читать вывески по методу Сыроежкина и кривляться в витринах. А Сережка поплелся домой: в тот самый момент, когда он светился в лучах славы, его окликнули с балкона.

Он безропотно выслушал упреки матери, проглотил свой завтрак, отказался кататься по реке на крылатом теплоходе и оживился лишь тогда, когда решил, что обязательно станет физиком и будет изучать антимир.

Но где находится этот антимир? Где его изучать – на Земле или обязательно лететь в космос? И как далеко туда лететь, и какая нужна ракета, и как избежать взрыва?.. Десятки вопросов закружились в голове Сережки. Все они требовали немедленного обсуждения. И Сергей побежал к Вовке Королькову, который все знал.

«Наверно, там с утра торчит Макар Гусев, – подумал Сережка. – А с ним никакого разговора не получится. Одни только глупости. Как бы избавиться от Гуся?»

На всякий случай Сыроежкин прибегнул к мысленному внушению.

– Гусак, сиди дома! Гусак, сиди дома! – твердил он, поднимаясь по лестнице в соседнем подъезде.

Точно! Предчувствие не обмануло Сыроежкина: Гусак был тут как тут. Он возился на площадке с трубой, обклеенной черной бумагой. Увидев одноклассника, Гусев широко улыбнулся и сказал:

– А-а, Сыроежкин, привет! Видишь трубу? Телескоп. Увеличивает в тридцать раз. Наше с Профессором изобретение. Хочешь, Сыроежкин, первым увидеть звездное небо?

– А где Профессор? – деловито спросил Сережа.

– Сейчас придет. Ты смотри, пока труба свободная.

Конечно, в яркий, солнечный день никаких звезд увидеть было нельзя. Но Сережа все же нагнулся, прильнул к круглому глазку. Его обожгло, ослепило солнце. Огненные копья словно проткнули глаз. Растерянно моргая, вытирая ладонью катившиеся слезы, стоял Сергей у окна. Он хотел поддать ногой телескоп, но пожалел труд Профессора.

– Ну, что ты там увидел? – ехидно спросил Гусев.

– Такого болвана, как ты! – в сердцах сказал Сережка и побежал по лестнице. – Такого гуся лапчатого, как ты! – кричал он на бегу. – Нет, гусака! Толстого, очень противного гусака!

Макар не погнался за ним. Он только высунулся из окна и рявкнул:

– Я тебе покажу гусака! Лучше не попадайся!

Солнце светило ласково. Остро, душисто пахло молодой зеленью. Но мир казался Сережке серым, недобрым. Ему было горько, обидно. Он шел и думал: как отомстить верзиле, этому здоровенному, полному коварства Гусаку?

Сыроежкин строил планы мести и один за другим отвергал их. Лассо, которым можно заарканить и привязать врага к дереву, нападение в темноте, даже помочь приятелей – десять крепких кулаков – все это Сергею не нравилось. Оставалось найти чудодейственные капли, удесятеряющие силы человека, и вызвать обидчика на бой. Но где достанешь их рецепт?

Неожиданно сильные руки схватили Сережку и подняли высоко вверх!

– Вот он! – закричал кто-то оглушительно громко. – Качай его!

Сережка очнулся. Он увидел флаги, спортсменов в ярких майках и бьющие в глаза белые буквы на красном полотне: ФИНИШ. Какие-то люди несли Сережку, подняв над толпой, и кричали:

– Нашли! Нашли! Вот он – чемпион!

Толпа оборачивалась, расступалась, разглядывала Сыроежкина, а он только хлопал ресницами и вертел головой.

Кто-то схватил его за руку, подержал, шагая рядом, и удивленно сказал:

– Пульс нормальный! Не сердце, а часы!

– Он не запыхался! – восторженно подхватил другой болельщик. – Легкие – как кузнецкие мехи!

– Чемпион… Чемпион… – повторяли все вокруг.

Сережку поставили перед высоким крепким человеком в белом костюме с алой повязкой на рукаве.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Сергей Сыроежкин, – удивленно сказал неожиданный чемпион.

– Где ты живешь? Где учишься?

– На Липовой аллее. В школе кибернетиков.

– Товарищи! – закричал судья в белом костюме. – Неизвестный бегун – Сергей Сыроежкин! Он живет здесь, в Октябрьском районе!

Толпа загудела.

– Молодец, – сказал судья Сыроежкину. – Поздравляю!

– А за что? – удивленно спросил Сергей.

– Молодец, – повторил судья. – Никогда не надо задаваться. А завтра приходи в пять часов на стадион в секцию легкой атлетики. Вот. – Он достал блокнот, оторвал листок и что-то быстро написал. – Здесь адрес и мое имя. Приходи обязательно. Талант надо развивать.

Он повернулся к другим судьям:

– Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина.

– А я протестую! – резко ответил судья в тренировочном костюме. – Сыроежкина нет в списках команды.

– Считать! Считать! Считать! – загалдели болельщики. – Он из нашего района!

Судьи стали спорить, а Сережка тихо отошел в сторону, сжимая в руке листок. Чемпиона дружески хлопали по плечу, ему говорили бодрые слова, кто-то сунул ему мороженое. На него дивились, как на чудо.

А чуду было очень неловко. Чудо все еще ничего не понимало. Чудо выбрало в шумной толпе спокойного толстяка с палкой и робко спросило:

– А что случилось?

– Нет, вы только посмотрите на него! – громко сказал толстяк, напугав Сережку. Бежать было некуда: вокруг уже стояли плотным кольцом болельщики. – Он даже не понимает, что натворил, – продолжал толстяк, стуча об асфальт палкой. – Талантлив и чист душою!.. Так вот, – человек наклонился к Сережке, – наш район проигрывал эстафету соседям. Мы уже решили, что дело конченое. Оставался последний этап в четыреста метров. Наш стоит, ждет палочку, а соперник уже бежит, только пятки мелькают. Как вдруг, откуда ни возьмись, – ты! Вырвал у нашего недотепы палочку, догнал первого, перегнал его, разорвал ленточку и исчез. Просто удача, что ты живешь в нашем районе. – Человек вдруг взмахнул палкой и заголосил: – Засчитать Сыроежкина!

– Засчитать!!! – подхватили стоявшие вокруг люди.

Сережка сунул листок в карман, незаметно выбрался из толпы и бросился со всех ног прочь. Он не понимал, почему бежит от ярких флагов и шумных болельщиков, не подошел к главному судье и не объяснил ошибку. Все происшествия утра – решимость стать физиком, удар солнца в глаза, жажда мести, неожиданная слава – все смешалось в голове Сережки и гнало его вперед. Пожалуй, теперь он на самом деле мог поставить рекорд. Только сердце колотилось, как бешеный маятник, а из легких вырывался какой-то странный свист.

Он выскоцил на обрывистый берег реки, упал на траву и долго лежал неподвижно, с закрытыми глазами, слушая удары в груди, ловя ртом воздух. Отдышался, перевернулся на живот и заметил недалеко в кустах синюю куртку. Куртка как куртка, обыкновенная куртка. И все же что-то в этой куртке беспокоило Сыроежкина. Что-то черное, маленькое, блестящее торчало из-под синей куртки. Сережка посмотрел внимательнее и вытаращил глаза: это была небольшая электрическая вилка для включения в сеть.

Сергей никогда еще не видел курток, из-под которых высываются такие необыкновенные хвости. Поэтому он тихонько подполз к кусту, осторожно взял вилку и потянул к себе. Куртка вздрогнула, зашевелилась. Из куста прямо на Сережку вылез очень знакомый мальчишка.

Нет, совсем незнакомый! Это был кто-то чужой. Но этот «кто-то» был выпитый Сыроежкин. Сергей посмотрел на него широко открытыми глазами, и ему казалось, что это он сам вылез сейчас из куста и дивится на забияку, дернувшего его за куртку. А мальчик в синей куртке, живой двойник Сережки, тоже замер и смотрел в глаза Сыроежкину. На лице его ничего не отражалось – ни удивления, ни улыбки. Оно было совершенно спокойным.

– Это твой штепсель, то есть вилка? – наконец сказал, приходя в себя, Сергей.

– Да, – отозвался мальчик в синей куртке немного скрипучим голосом.

– А зачем она тебе? – опять спросил Сергей и услышал странный ответ:

– Я питаюсь электроэнергией.

– Ты… – Сергей помедлил. – Ты… робот?
– Нет, я Электроник, – так же спокойно произнес мальчик.
– Но ведь ты не человек?
– Да, я не человек.

Они сидели на траве совсем рядом и молчали. Сережка незаметно рассматривал своего соседа. «Ну и пусть, что у него провод с вилкой, – думал Сергей. – Зато с ним можно говорить спокойно, по-человечески, не то что с Гусаком…»

И вдруг Сережку осенило.

– Послушай, это ты бежал так быстро и обогнал всех? – волнуясь, спросил он.
– Я.
– Ты знаешь, мы с тобой очень похожи…
– Такое совпадение обусловлено математическими законами, – объяснил мальчик в синей куртке, и Сережку сразу успокоила его рассудительность.
– И ты это заметил?
– Да, заметил.
– Ты знаешь, меня приняли за тебя. А настоящий чемпион – это ты!
– Может быть, я чемпион, – согласился собеседник Сережки. – Но я совсем не хотел этого.
– Не хотел? Вот чудак!
– Ноги несли меня вперед, – продолжал странный мальчик, – я не мог остановиться. Поэтому, скорее всего, я не чемпион.

Тут Сережка вскочил, стал рассказывать, как спорили судьи, как его качали и несли на руках. Мальчик в синей куртке тоже встал и внимательно смотрел на Сыроежкина. Его лицо было по-прежнему спокойным и неподвижным. Нет, он не завидовал неожиданной славе Сережки, совсем не завидовал.

– Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь бежал так быстро! – восторгался Сыроежкин. – Если б судьи не ушли, я бы привел тебя и сказал: вот кто установил мировой рекорд! Электроник! А я-то просто Сыроежкин…

– Сыроежкин? – скрипуче спросил Электроник.
– Ах да!.. Мы еще не познакомились. – Сергей протянул руку. – Зови меня Сережкой.
– Сережка Сыроежкин, – медленно повторил, словно запоминая, Электроник. Его правая рука осторожно взяла пальцы Сыроежкина и сжала их так сильно, что Сережка вскрикнул.

– Извини, Сережка. – Электроник посмотрел на свою ладонь. – У меня запрограммировано, что с такой силой надо жать руку друга.

Сергей, приплясывая, дул на пальцы. Он ничуть не обиделся.

– Ничего! Это очень даже здорово! Ты не уменьшай силу. Она нам еще пригодится…
Расскажи о себе. Ты здесь живешь?

– Нет, только сегодня приехал.

– Тогда я покажу тебе город! – обрадовался Сергей. – Сперва пойдем в парк, купим мороженое и съедим по четыре штуки.

– Я ничего не ем, – сказал Электроник.

– Совсем забыл! – Сережка махнул рукой и от души пожалел приятеля: – Не повезло тебе. Мороженое куда вкуснее электрического тока! Я могу клубничного сразу четыре штуки проглотить!

– Я тоже глотал. Предметы… Когда показывал фокусы, – уточнил Электроник.

– Фокусы? Здорово! Обязательно мне покажешь!

– Хорошо. Покажу.

Так, весело болтая, шли они к парку. И все встречные оглядывались им вслед: не на каждом шагу встречаются такие похожие близнецы.

Фокусник всех времен

Вот они входят в парк. Их встречают румяный Клоун, Ученый чудак и забавный Марсианин на ходулях. Им вручают маски золотой лучистой звезды и страшного медведя, в их честь гремит веселый марш, носится по орбите знаменитый спутник «Биб-бип» и взлетают в небо маленькие ракеты. В парке карнавал, сегодня всем весело, все смеются. И Сережка хочет под маской страшного медведя, хватает за руку золотую улыбчатую звезду, и они бегут к «чертову колесу». А потом взлетают вверх, падают вниз, вертятся, вертятся и смотрят с вышины на город. И еще кружатся на карусели, делают мертвые петли в самолетах, взлетают и приземляются в космическом корабле. Все время вместе – Сережка и Электроник. Все время рядом – Электроник и Сережка.

А на маленькой сцене идет концерт. Стоит на самом краю тонкая девочка, вся в голубом, с ног до головы, даже шары в руке голубые, и поет песню:

Шары, шары,
Мои голубые шары,
Летите, шары,
Несите, шары,
Мечты моей порыв
Далеко, далеко,
Дальше крыш...

Почему вдруг умолк Сережка? Почему он стоит совсем тихо и смотрит не на Электроника, а на голубую девочку? Почему он не хлопает, как все?

Выходит на сцену конферансье и говорит:

– Сегодня дают концерт зрители. Вы только что слышали песню, которую сочинила сама певица. Свои песни, свое исполнение! Прошу не стесняться!.. Итак, акробатический этюд покажут братья Самоваровы.

Почему Сережка не смотрит на акробатов Самоваровых? Почему он вытянул шею и наблюдает, как садится голубая девочка в первом ряду? Почему тянет Электроника к эстраде?

– Электроник, – прошептал Сережка другу, – прошу тебя, выступи. Покажи фокусы.

– Я не знаю… – неуверенно сказал Электроник.

– Ну, милый, ну, Электроша, ну, продемонстрируй! Фокусы, понимаешь, фокусы! Все сразу развеселятся, тебе будут хлопать, и я – громче всех.

– Я покажу фокусы, – согласился Электроник и пошел вместе с другом за кулисы.

Сережка тронул за плечо конферансье и стал ему объяснять, показывая на маску золотой звезды:

– Эта маска – мой друг. Он замечательный фокусник. Я его просил, он согласился выступать.

Конферансье стоял и кивал головой: он понял все с полуслова.

– Как тебя объявить? – спросил он Электроника.

– Объявите просто, – сказала скрипучим голосом маска. – Выступает величайший фокусник всех времен и народов, который выступал когда-либо, выступает ныне или будет выступать.

Сережка улыбнулся: «Ну и Электроник! Настоящий цирковой артист. Совсем не стесняется. И фокусы у него, наверно, замечательные».

А конферансье подумал: «Ого! Вот это скромность!» Но он вышел и объявил так, как было сказано. Чутье подсказывало ему, что в случае провала величайшего фокусника зрители примут все за шутку.

– Сейчас ты им покажешь! – тихо сказал Сережка Электронику, поглядывая сквозь прорези своей маски на голубую девочку в первом ряду. – Я чувствую, что ты не только лучший в мире бегун, но и отчаянный фокусник. Сними-ка, Электроник, маску. Пусть тебя видят все!

– Сейчас я им всё покажу, – невозмутимо подтвердил Электроник и послушно снял маску.

Фокусник вышел на сцену и поднял руки. Все сначала смотрели на руку и только потом увидели, что электрический рояль тронулся с места и, скрипя колесиками, покатился за кулисы.

– Ерунда! – громко сказал мальчишка из первого ряда. – Привязали веревку и тянут.

Но у конферансье, стоявшего за кулисами, округлились глаза: он видел, точно видел, что никто не тянет рояль! Рояль катился сам и отчаянно скрипел колесиками. Фокусник опустил руку, и рояль остановился. А голубая девочка приподнялась со своего места, чтобы видеть, что будет дальше.

Неожиданно для зрителей фокусник сделал сальто-мортале, и по сцене запрыгали тонкие серебристые кольца. Они подскакивали с приятным звоном и так ярко блестели, что зрители щурили глаза.

Тихо и плавно вступил оркестр. Фокусник повел рукой, и кольца покатились по сцене, сделали круг, потом другой, третий. И вот, звеня и искрясь, они уже раскатились в разные стороны и закружились, словно цирковые лошадки. А фокусник даже не смотрел на них, закрыл глаза, уверенный, что все кольца послушны плавным движениям его рук, что они крутятся волчком, замирают на месте, скачут вверх и вниз и ни одно не упадет.

Зрители аплодируют, заглушая оркестр, и громче всех – маска медведя. Сережка был восхищен. Что за чудо его друг! Он видел, как замерла голубая девочка. Какие у нее большие грустные глаза… Вот она улыбнулась! Молодец Электроник! И он, Сережка, тоже молодец: сразу догадался, что Электроник замечательный фокусник. Если случится, что они познакомятся, он так и представится: друг фокусника.

– Все понятно, – глубокомысленно вымолвил всезнающий мальчишка из первого ряда. – У него в рукаве электромагнит. Притягивает и отталкивает. Чудес на свете не бывает.

Бывают. Но рано или поздно они кончаются. И всем было очень жаль, что кольца внезапно исчезли. Кольца скатились все вместе, фокусник повернулся на мгновение к зрителям спиной – и вот уже ничего нет. Лишь конферансье заметил, что кольца разом подпрыгнули и оказались у фокусника на руке, словно браслеты.

А фокусник уже берет у кого-то из публики сигарету, прикуривает, благодарит и выдувает большой клуб дыма. Пушистое облачко летит к первому ряду.

– Он курит! – возмутилась какая-то женщина.

– Это понарошку, это фокус, – успокоил ее сосед.

Сережка смотрит с недоумением на сигарету в руке друга, но в это время из дыма в публику посыпалась разноцветные платки. Красные, голубые, желтые, зеленые, белые… Все вскочили, захлопали, засмеялись, стали ловить платки. А Электроник пускал и пускал круглые белые облачка. Они, как маленькие ядра, летели во все ряды, сея дождь веселых парашютов, которые брались неизвестно откуда.

Но вот шум стих, зрители уселись на места. Фокусник поклонился и хрипло сказал:

– Предметы! Давайте мне предметы.

Вскочил паренек и мигом собрал в шляпу часы, авторучки, расчески, кошельки. Зал затих. Шляпу с предметами вручили фокуснику.

– Ап! – крикнул фокусник и на глазах у всех проглотил ручные часы с желтым ремешком. – Ап!.. Ап!.. Ап!..

И за желтым ремешком последовали другие предметы из шляпы. Часы фокусник глотал легко и непринужденно, словно вишни или сливы. Он втягивал в себя с присвистом длинные авторучки, расчески и, не раздумывая, отправлял в рот кошельки. Только и слышалось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.